

Др 84
М 76
А-373200

Виталий Молчанов

СВѢТЪ

ор 84
17 46
ор 84

Виталий Молчанов

84(2=441.2)6-5
+ ор 84.5

СВѢТЪ

стихотворения

а - 373200

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

✓
Москва
2018

кр

Рассказать историю

Э то было всегда. Это будет, несмотря на Интернет и умопомрачительные гаджеты, на информационные потоки, лавины и сели, обрушивающиеся на головы современников, на телевизионные истерики ток-шоу и чудовищное хладнокровие новостей. Это будет всегда: желание услышать историю – из прошлого ли, настоящего ли, будущего – так, как будто происходит она здесь и сейчас и требует для себя живого сочувствия. Слушая её, ты вдруг непостижимо ощущаешь себя живым и настоящим, и всю глубину времени в себе, в своей крови – чувствуешь абсолютно реально, как будто только так могло и может быть.

Рассказчиков ценят именно за это. История сохранила факт, что издавна на Урале, в котле народов, в междоусобных схватках, среди попавших в плен к чужакам у хорошего рассказчика было больше шансов выжить, потому что долгими зимними вечерами он уводил за собой слушателей то в быль, то в сказку. Где что когда услышал – заплетал он в причудливый сюжет, непременно с «переживательными» подробностями, памятными приговорками. Плясал огонь в очаге, таили дыхание слушатели, и всё многоцветное узорочье жизни, и суровая школа её, и промысел Божий в судьбах становились понятнее, ближе, постижимее.

Прошли века, накопились библиотеки, размножились сайты – но в человеке-то ничего не изменилось. И, открывая книгу, буквально с первых страниц понимаешь: вот он, рассказчик – азартный, увлечённый, ради красного словца ничего не жалеющий, любящий жизнь и живущий поэтически азартно, знающий свою силу и умеющий «показать товар лицом»:

*Весна-дворняга солнечным оскалом
Зиме грозила: «Береги бока!».
Пригожий лик под ледяным забралом
Таить устала стольная река,
И лопнула морозная тесёмка.
Шлем по теченью сбросив за спиной,
Приподнялась Москва. С утра позёмка
Котлы проталин сдобрила крупой...
<...>
Материя разложена по штукам,
Бери любую – не жадись, плати.
Моченья и соленья, связки лука,
Бочонки мёда, пирогов ломти...*

*Глаз маслится от снеди изобильной!
Весна-дворняга, изойдя слюной,
На жарких лапах кралась мимо мыльни
С окошками из плёнки слюдяной.*

Живая речь, соединяющая в целое рассказываемой истории самые разные пласты – исторические, культурные, не брезгующая, а порой буквально блистающая просторечиями, перехлёстывающая за условности поэтической формы – что может быть увлекательнее для благодарного слушателя? Ведь тут вам не простак-балагур, а философ, выбирающий сюжеты со смыслом, превосходящим привычное обыденное разумение. Вот смерть младенца от «родимчика»:

<...>

*Как бисером расшитая дорожка –
Небесный самотканый рушничок,
Чтоб по нему прошли босые ножки,
Не обморозясь, в облачный чертог.*

<...>

*Не чахнуть внуку в царской каталажке
Не гнить в окопах Первой мировой...
У Марьюшки родился сын в рубашке
И умер в ночь под самый выходной.*

*Где от полозьев чёрные полосы
Морщинами легли на ровный снег,
Метель морозно-ветряной двухвосткой
С плеча хлестала уходящий век.*

Увидеть и воплести крохотную младенческую судьбу в судьбу гигантской штормовой эпохи – для этого надо быть творцом в чистом, исконном смысле слова,

замахнуться мыслью на таинственный Божий замысел о нас... Это очень по-русски, немногословно, но многоцветно и безмерно.

Вообще Виталий Молчанов – наш, русский рассказчик. Он не будет плести прихотливые восточные орнаменты говорения – даже в «восточных» своих стихах, не стремится вывести прямой однозначный вывод из жизненного сюжета – просто рассказывает, просто даёт уму и сердцу цельную картину мира, не всегда всем понятную логически. В ней ценно другое: вот эти самые связи, соединяющие человека со звёздами, умершего младенца – с грядущим веком, да и сама словесная ткань, в которой все эти соединяющие нити-смыслы вспыхивают мгновенно, в каждой строке:

*Помню, ведомый отцовской рукой, – где та рука –
Шёл я по лестнице вверх винтовой мять облака,
Скатывать в комья ребячьей мечты небо, как снег.
Звёзды свои занимали посты, чуя набег
Тьмы, пожирающей солнечный диск. В эти часы
Вспыхивал факел – сонм пляшущих искр Гыз галасы.*

А если это так – становятся понятными и пристрастность поэта к историческим, фольклорным, библейским сюжетам – сюжетам на все времена, и необычайная плотность стиха, когда привычная для современника ритмическая сетка гудит и качается под тяжестью плотных метафор:

*Встретилась мне у подъезда тоска в рваном ботинке.
К сахарной пудре седого виска липли снежинки,
Белыми мухами лезли под плащ эры застоя.
Мёртвый поэт был согбен и дрожащ, взгляд беспокоен.
Мерно качался фонарь на столбе, ветром влекомый,*

Словно адепт в непрерывной божбе. — Выйти из комы
Ты не сумел, хоронили тебя с миру по нитке,
Как и сейчас, в первый день декабря —
снежный и липкий.

Лезвием в небо нацелен был нос, в пальцах — иконки,
Пением батюшка — бывший матрос — рвал перепонки.
Комья ронялись на гроб тяжело в паре морозном,
Сверху ткачиха швыряла назло зимнее кросно,
Видно решила земле сгоношить кипенный саван.
Мать причитала: «Эх, бросил бы пить горькую
сам он».

После поминок родне и гостям выдала ложки,
Нам же — по книжке, как старым друзьям,
в мягкой обложке,
Чтобы читали твои стихири денно и ночью.
Книжку забросил я... Брат, извини, если возможно.

И кто же поставит в вину рассказчику его упоение
речью и сюжетом, его вживание в чужие судьбы — и ви-
денье сквозь них судьбы своей? Ведь нельзя не увлечь-
ся этой стихией, невозможно втиснуть её в сугубые
филологические рамки, не стоит выверять строчки по
ритмической линейке, потому что речь — живая, пульс
у неё — живой, и логика — собственная, пусть порой и
угловатая, но ведь в этой угловатости и таится — жизнь!

Как размашисто крут дирижёр!
Это шторма прекрасное престо —
Перелом, поворот-оверштаг, лязг запора,
распяливший дверь,
И надежда в глазах у щенка на концерте
для флейты с оркестром,
Что любовь нереально жива в черед
бесконечных потерь.

*В океане земной суеты нас Вивальди выводит
из дрейфа —
Одиноким с рыжинкой старик, в нищете
скоротавший свой век.
Пусть поёт и вибрирует в такт вместе с сердцем
чудесная флейта
Так, что хочется всё изменить,
и слезинки ползут из-под век.*

Русскому рассказчику равно дороги все поводы для душевного разговора, дабы скоротать — вечер ли, век... Вот печальный, но счастливо разрешившийся дорожный анекдот про случайный фингал от упавшего с полки баула:

*Непруха, братцы, одна не ходит:
Семь лет по зонам. Обидно. Больно.
Не крал, не дрался, ну, выпил, вроде, —
В двенадцать завтра сходить в Раздольном.
Там встретит Катя, а я побитый.
— Такое, — спросит, — твоё «с начала»?
Забился в угол несчастный мытарь.
Земля на рельсах состав качала,
<...>
Сейчас заметит позорный штемпель —
Фингал проклятый — пошлёт подальше.
Вороны лают про быль и небыль,
И в этом лае так много фальши.
Но встали рядом сосед с соседкой
И проводница, и полвагона.
Сказали, мол, чемоданы метко
Влетают в скулы — без лжи и гона,
Что ты в дороге не пил, не дрался...
И взгляд смягчился, стал тёплым, прежним.*

*С плаката рядом вам улыбался,
Нахохлив брови, геройский Брежнев.*

Но есть и другой, масштабный поэтический сюжет, где оренбургская святыня – Табынская икона Божьей Матери – проводит оренбуржцев через смуту Гражданской войны. Утрата и обретение – испытания, открывающие смысл русской жизни, в которой всегда спасает вера:

*Трижды с матушкой-Иконой
Обошли весь град вокруг:
Прекратились смерти. Стоны,
Вытер слёзы Оренбург...*

Но что такое вера? Ведь это то самое тайное, интуитивное знание о единстве и неразрывности мира, о его сквозных законах воздаяния и прощения. А в основе цельности – понимание, что человек един со своей землёй, кровно соединён с её историей, и чтобы ничего не забыть, истории нужно, рассказывая, проживать так, как будто они произошли не вчера или несколько веков назад, а так, как будто они живут всегда, здесь и сейчас.

Интересна технология создания фресок – со сквозным видением будущего сюжета, с волевой решимостью творца и азартом созидательного порыва – по сырой штукатурке, без возможности что-то подправить после... Но разве не так мы проживаем всю свою жизнь, без черновиков, набело? Разве не так рассказывает нам автор нашу собственную историю – дальнюю и недавнюю, говорит о своих собственных переживаниях и сомнениях?

Книга Виталия Молчанова «Фрески» объединяет очень разные стихи. Это разнообразие, тематическое

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66